

II.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Читральская экспедиція 1895 года.

По книгѣ: «Англійскія экспедиціи въ Азіи». Подполковника морской пѣхоты Септана.

(Окончаніе) ¹⁾.

V.

Операціи дивизіи Лоу.

Описаніе района. Театръ военныхъ дѣйствій изрѣзанъ высокими горными цѣпями и быстрыми рѣками. Единственный перевалъ на высотѣ болѣе 3,000 метровъ давалъ доступъ въ Читраль.

Къ сѣверу отъ Пешаверской равнины находится горная цѣпь, высота которой колеблется отъ 915 до 1830 метровъ, называемая пограничными горами (Border Hills). Къ сѣверу отъ этой цѣпи расположена долина р. Свата, ширина которой колеблется отъ 3-хъ до 5-ти километровъ, а длина около 58 километровъ.

На днѣ этой долины протекаетъ довольно значительная р. Сватъ, которая становится, въ періодъ таянія снѣговъ и дождливое время года, ши-

¹⁾ См. «Военный Сборникъ» 1900 г., № 7.

реакціи, побудить непріятеля къ отступленію. Въ такомъ случаѣ нельзя не признать, что дѣйствительною причиною рѣшенія были усилія и труды, понесенные непріятелемъ во время его наступленія. Не найдется, конечно, на дѣлѣ такого случая, въ которомъ не было бы при этомъ участія оружія обороняющагося, но для практическаго воззрѣнія на предметъ важно отличить какое изъ обоихъ началъ разрушенія тутъ преобладало.

Итакъ, считаемъ себя вправѣ высказать въ указанномъ смыслѣ, что оборона ведетъ къ двойственному рѣшенію или, иными словами, къ двойственной реакціи, смотря по тому, погибаетъ ли наступающій *отъ меча обороняющагося, или же отъ собственныхъ трудовъ и усилій.*

Вполнѣ ясно, что первый изъ этихъ видовъ рѣшенія преобладаетъ при первыхъ трехъ перечисленныхъ выше способахъ обороны, а послѣдній только—въ четвертомъ, когда отступленіе идетъ въ глубь страны. Однако, только надежда на окончательное благоприятное рѣшеніе оправдываетъ принесеніе громадныхъ жертвъ, связанныхъ съ подобнымъ отступленіемъ.

Итакъ, мы познакомились съ двумя различными способами сопротивленія. Военная исторія показываетъ случаи, когда они являлись настолько раздѣльно, насколько элементарному теоретическому понятію возможно проявиться въ дѣйствительной жизни.

Когда Фридрихъ въ 1745 году атаковалъ австрійцевъ при Гогенфридбергѣ, въ то время, когда они только спускались съ Силезскихъ горъ, то силы ихъ не могли быть еще ослаблены, ни отъ трудовъ, ни деташировками. Съ другой стороны, видимъ, что Веллингтонъ въ укрѣпленныхъ линіяхъ у Торресъ-Ведрасъ дождался того, что армія Массены начала отступленіе единственно отъ голода и непогоды. Оружіе Веллингтона не принимало въ этомъ никакого участія. Въ другихъ случаяхъ опять оба начала соединяются, хотя одно обыкновенно преобладаетъ; такъ было въ 1812 году.

Въ указанномъ походѣ было много кровавыхъ схватокъ, которыхъ въ иныхъ случаяхъ было бы достаточно, чтобы повлечь за собою полное рѣшеніе борьбы; тѣмъ не менѣе, этотъ именно походъ болѣе всѣхъ прочихъ показываетъ примѣръ, какъ наступающій можетъ пропасть отъ собственныхъ только усилій.

Изъ 300,000 человѣкъ, образовавшихъ центръ французскаго вторженія, дошло до Москвы около 90,000; откомапдировано было

около 13,000. Итакъ, потеряно 197,000, изъ коихъ не болѣе трети собственно въ сраженіяхъ.

Всѣ кампаніи, основанныя на выжиданіи въ родѣ метода прославленнаго Фабія Кунктатора, рассчитаны были преимущественно на уничтоженіе противника собственными его усиліями.

Вообще, много было походовъ, рѣшенныхъ, главнымъ образомъ, указаннымъ началомъ (отъ собственныхъ усилій наступающаго. *Перев.*), хотя объ этомъ и не упоминалось. Эти истинныя причины многихъ рѣшеній борьбы узнаемъ тогда только, когда отбросимъ искусственное толкованіе историковъ и острымъ взглядомъ окинемъ самыя событія.

Полагаемъ, что мы сказаннымъ достаточно развили то (тѣ представленія), что лежитъ въ основаніи обороны. Мы указали и разъяснили разныя ея степени и два главныхъ вида сопротивленія; мы показали, какъ начало выжиданія тянется черезъ всю систему, соединяясь съ положительнымъ дѣйствіемъ.

Полагаемъ, что мы измѣрили и обняли всю область обороны. Конечно, найдутся въ ней еще предметы достаточно важные, достойные особаго изученія, способныхъ сосредоточить около себя особую мыслительную работу. А потому, упускать ихъ не приходится: таковы: суть: вліяніе крѣпостей, укрѣпленныхъ лагерей, оборона рѣкъ и горъ, вліяніе фланговыхъ расположеній и т. п. О нихъ поговоримъ въ слѣдующихъ главахъ. Однако намъ кажется, что всѣ эти предметы не находятся внѣ нашихъ прежнихъ разсужденій, это только ближайшее примѣненіе къ мѣстности и обстановкѣ.

Мы вывели вереницу нашихъ представленій (понятій, *Vorsnelungsreihe*) изъ понятія обороны и отношенія ея къ наступленію, связали эти простыя представленія съ дѣйствительностью и этимъ указали путь, ведущій изъ жизненной практики назадъ къ этимъ простымъ представленіямъ, являющимся твердою основою для дальнѣйшихъ разсужденій. Такимъ образомъ, освободились мы отъ гензбѣжныхъ отклоненій при каждомъ встрѣчномъ на практикѣ случаѣ и отъ разсужденій, парящихъ только въ воздухѣ.

Однако борьба вслѣдствіе разнообразія боевыхъ комбинацій можетъ принять видъ и характеръ совершенно своеобразный, въ особенности когда дѣло не доходитъ до кровавой расправы. Поэтому спрашивается невольно, не дѣйствуетъ ли тутъ еще одно особое начало. Дѣйствительно, между простымъ кровавымъ пораженіемъ въ бою и успѣхомъ отъ стратегической комбинаціи, одер-

жаннымъ безъ настоящаго боя, разница столь значительна. что приходится предположить еще новую силу; въ родѣ того, какъ астрономы, видя большой промежутокъ между Марсомъ и Юпитеромъ, заключили, что между ними должны двигаться еще другія планеты.

Когда наступающій не рѣшается атаковать сильную позицію противника, или не рѣшается форсировать большую рѣку, за которой тотъ находится; наконецъ, даже если онъ опасается за продовольствіе въ случаѣ дальнѣйшаго наступленія; то онъ во всѣхъ этихъ случаяхъ подчиняется собственно боязни предъ оружіемъ обороняющагося. Наступающій опасается, что онъ будетъ побѣжденъ этимъ оружіемъ или въ главномъ сраженіи, или на особо важныхъ пунктахъ; опасеніе это именно и останавливаетъ наступленіе, хотя впрочемъ объ этомъ умалчиваютъ или по меньшей мѣрѣ не говорятъ достаточно откровенно.

Если съ нами согласятся, что даже въ случаяхъ безкровнаго рѣшенія все-таки въ концѣ концовъ дѣло рѣшено боями хотя и не состоявшимися, но тѣмъ не менѣе *предположенными*, то все же могутъ намъ возразить, что въ этихъ случаяхъ самымъ дѣйствующимъ началомъ будетъ *стратегическая комбинація* этихъ боевъ, а не тактическое ихъ рѣшеніе, котораго не было. Далѣе казалось бы можно заключить, что такое преобладаніе стратегическихъ комбинацій мыслимо тогда только, если допустимъ, что, независимо оружія, существуютъ еще другія средства обороны. Мы готовы на это согласиться, достигнувъ какъ разъ желаннаго нами пункта.

Мы утверждаемъ, что само тактическое рѣшеніе должно служить *основаніемъ* всѣхъ стратегическихъ комбинацій, и потому возможно и слѣдуетъ опасаться, что наступающій хватится за него. Онъ, обезпечивъ за собой успѣхъ тактической, размететъ всѣ наши стратегическія комбинаціи. Изъ этого слѣдуетъ, что эти комбинаціи *не есть ничто самостоятельное*; онѣ имѣютъ существенное значеніе настолько, насколько по тѣмъ или другимъ причинамъ считаемъ тактической успѣхъ обезпеченнымъ. Чтобы мысль нашу пояснить немногими словами, припомнимъ только, какъ Бонапартъ, ни на что не оглядываясь, прорывалъ стратегическія сѣти своихъ противниковъ. Онъ стремился прямо въ бой, никогда почти не сомнѣваясь въ успѣшномъ его исходѣ. Если противники не направляли всѣ свои стратегическія комбинаціи единственно къ тому, чтобы задавить Бонапарта превосходными силами, если они вдавались въ тонкости, то онъ неминуемо разрывалъ ихъ

паутинныя сѣти. Однако подобныя же затѣи въ состояніи были остановить такого полководца, какимъ былъ Даунъ.

Итакъ, было бы безразсудно дѣйствовать противъ Бонапарта и его арміи тѣми же средствами, которыми пруссаки въ семилѣтнюю войну боролись съ Дауномъ. Спрашивается, почему же это такъ? Потому что Бонапартъ вполне сознавалъ, что все дѣло лежитъ въ успѣхѣ тактическомъ и въ немъ былъ увѣренъ, а Даунъ нѣтъ. *Поэтому именно* считаемъ необходимымъ указать, что всякая стратегическая комбинація опирается единственно на тактическій успѣхъ и что все дѣло рѣшается въ сущности только этими тактическими успѣхами, какъ въ кровавомъ, такъ и въ безкровномъ ихъ рѣшеніи. Отъ стратегическихъ комбинацій *самыхъ по себѣ* можно ожидать какой-либо пользы только тогда, когда не опасаемся тактического рѣшенія, въ силу характера противника, физическаго и нравственнаго равновѣсія обѣихъ противныхъ армій или даже перевѣса нашей.

Во всей военной исторіи найдется, конечно, не малое число походовъ, въ коихъ наступающій отказывался отъ своихъ намѣреній и безъ кроваваго рѣшенія, вслѣдствіе однѣхъ только стратегическихъ комбинацій. Это могло бы повести къ заключенію, что эти комбинаціи имѣютъ, по меньшей мѣрѣ, въ себѣ самостоятельную силу, такъ какъ онѣ въ большинствѣ рѣшали дѣло тамъ, гдѣ у наступающаго не было слишкомъ значительнаго превосходства силъ. На это мы отвѣтимъ, что и это мнѣніе ложно, насколько дѣло идетъ о разыгравшемся на театрѣ войны, т. е. касающемся собственно войны; мы утверждаемъ, что неуспѣхъ наступленія въ большинствѣ случаевъ былъ послѣдствіемъ высшихъ, политическихъ отношеній войны.

Общая обстановка, изъ коей исходитъ война, служитъ ей основаніемъ и опредѣляетъ ея характеръ; скажемъ объ этомъ больше, говоря о планѣ войны. Но общая обстановка дѣлала большинство войнъ чѣмъ-то половиннымъ; настоящей враждѣ приходилось протискиваться черезъ такое сцѣпленіе и борьбу отношеній, что осталось отъ нея весьма мало. Это больше всего выражалось въ наступленіи, которое обязано проявиться *положительной дѣятельностью*. Не мудрено, что такое тщедушное наступленіе могло быть остановлено нажатіемъ пальца. Когда нѣтъ настоящей рѣшимости, когда она связана тысячью разныхъ уваженій, то противъ нея достаточенъ и призракъ сопротивленія.

Успѣхъ обороны лежитъ зачастую вовсе не въ большомъ числѣ вездѣсущихъ непобѣдимыхъ позицій, не въ грозныхъ массахъ темныхъ горъ, покрывающихъ театръ войны, или же въ ширинѣ рѣкъ, его пересѣкающихъ, которыя даютъ возможность выполненія разныхъ боевыхъ комбинацій, способныхъ обезсилить ударъ противника, а въ слабости воли, нерѣшительно наступающаго противника.

На указанные противовѣсы (позиціи, горы, рѣки) можно и должно обратить вниманіе. Считаемо необходимымъ категорически указать на то, что военная исторія въ этомъ отношеніи легко можетъ сдѣлаться вралемъ и обманщикомъ, если критика не возстановитъ истины.

Разсмотримъ теперь всю массу безкровныхъ неудачныхъ вторженій въ обычномъ (vulgäre) ихъ видѣ.

Наступающій вторгается въ землю непріятеля, оттѣсняетъ его немного, но не рѣшается на крупное сраженіе; онъ останавливается; притворяется, яко бы онъ захватилъ какую-то добычу, и ему остается только ее обезпечить; далѣе уже дѣло обороняющагося искать сраженія. Все это не болѣе какъ *туманныя видѣнія*, коими полководецъ морочитъ свою армію, свое правительство, весь міръ и даже самого себя. А между тѣмъ, главная причина та, что положеніе противника считаютъ слишкомъ сильнымъ. Не говоримъ тутъ, конечно, о такихъ случаяхъ, когда не атакуютъ потому, что не предвидится пользы отъ побѣды, такъ какъ наступленіе дошло уже до своего предѣла и нѣтъ болѣе размаху для его продолженія. Такимъ случаямъ предшествовало конечно успѣшное вторженіе (наступленіе). А мы говоримъ тутъ о тѣхъ случаяхъ, когда наступающій останавливается посреди своего вторженія, ничего существеннаго еще не достигнувъ.

Остановившійся выжидаетъ болѣе благопріятной обстановки; но для появленія ея обыкновенно нѣтъ причинъ; потому что остановка доказываетъ, что въ ближайшемъ будущемъ не ожидаютъ лучшаго противъ настоящаго. Итакъ, это новое марево. Если предпріятіе связано съ дѣйствіемъ другихъ армій, то на нихъ спихивается отвѣтственность; собственная бездѣтельность покрывается отсутствіемъ поддержки и согласія въ дѣйствіяхъ. Ссылаются на непреодолимая трудности, отыскиваются причины самыя мелочныя. Силы истощаются среди бездѣтельности, или вѣрнѣе, въ недостаточной дѣятельности, и потому безплодной. Оборона выигрываетъ время, а это для нея самое главное; приближается неблаго-

пріятное время года; наступленіе оканчивается возвращеніемъ на зимовку въ собственные предѣлы.

А между тѣмъ вся эта путаница неправды переходитъ въ исторію и ступшеываетъ простую причину неуспѣха, а именно, *опасеніе непріятельскаго меча*. Когда критика возьмется за такую кампанію, то она путается во множествѣ доводовъ и опроверженій (Gründe und Gegengründe), не добившись убѣдительнаго результата, потому что все паритъ въ воздухѣ, а до настоящаго основанія и корня истины не спускались.

Впрочемъ, обманъ этотъ не есть единственно послѣдствіемъ дурной привычки, онъ кроется въ самой природѣ дѣла. Противовѣсы, ослабляющіе стихійные порывы войны вообще, а слѣдовательно, и наступленіе въ особенности, кроются по большей части въ политическихъ отношеніяхъ и намѣреніяхъ государства, а эти намѣренія скрываютъ предъ міромъ, народомъ, арміей, а иногда даже предъ полководцемъ. Задержку своихъ дѣйствій или прекращеніе войны никто не станетъ мотивировать признаніемъ, что онъ опасается за окончательный исходъ борьбы, боится появленія новыхъ враговъ или излишняго усиленія своихъ союзниковъ и т. п. О такихъ побужденіяхъ всегда умалчиваютъ; они остаются неизвѣстны долго, а иногда и навсегда. Тѣмъ не менѣе, такъ или иначе приходится предъ міромъ оправдать свои дѣйствія; и вотъ, полководецъ вынужденъ выдумать какіе-либо мотивы, хотя бы и ложные. Такая игра словъ военной діалектики, окаменѣвъ въ теоріи, проявилась въ видѣ столь же ложныхъ теоретическихъ системъ. А между тѣмъ теорія тогда только дойдетъ до сути дѣла, когда она (какъ мы пытались) слѣдитъ за простой нитью внутренней связи дѣлъ (Dinge).

Если взглянемъ на военную исторію съ этимъ разумнымъ недовѣріемъ, то предъ нами падутъ большія сложныя изображенія наступленія и обороны, потому что все это не болѣе какъ пустое словоговореніе. А тогда само собой явится наше простое представленіе (изложеніе, *Vorstellungsart*). Полагаемъ, что оно именно проникаетъ всю область обороны и что его только придерживаясь, приобретаемъ ясный взглядъ на событія и въ состояніи будемъ справиться съ ихъ массой.

Теперь остается намъ рѣшить вопросъ о примѣненіи указанныхъ различныхъ видовъ обороны.

Различные виды обороны (прежде перечисленные) получаютъ, такъ сказать, возведеніемъ начальнаго вида въ высшій степени;

причемъ съ возвышеніемъ въ степень растутъ и приносимыя жертвы. На этомъ основаніи полководецъ, если не стѣсненъ другими обстоятельствами, можетъ избрать тотъ видъ обороны, который, по его мнѣнію, какъ разъ достаточенъ для того, чтобы довести его силы до требуемой степени (пункта) сопротивленія. Онъ не отойдетъ дальше, чтобы не принести жертвъ излишнихъ. Однако, надо сказать, что свобода выбора вида обороны въ большинствѣ случаевъ очень ограничена, потому что другія капитальныя условія обороны обязательно наталкиваютъ на тотъ или иной ея способъ (видъ).

Понятно, что для отступленія во внутрь страны требуется обширная территория, или же такія особыя условія, какъ у Португаліи въ 1810 году, имѣвшей сзади опору въ одномъ союзникѣ, въ Англии, а впереди—другого, Испанію, обширная территория коей значительно ослабила ударъ непріятеля. Выборъ такого плана (отступленіе во внутрь страны) рѣшаетъ и расположеніе крѣпостей: ближе къ границѣ или же далѣе отъ нея; еще болѣе вліяютъ свойства мѣстности и почвы, характеръ, нравы и настроеніе жителей.

Точно также и рѣшеніе вопроса, принять ли бой оборонительный, или же самому атаковать непріятеля, можетъ подчиняться мѣропріятіямъ непріятеля, свойствамъ противныхъ армій или личности полководцевъ. Наконецъ, на выборъ вліяетъ наличность или отсутствіе особо сильной позиціи или оборонительной линіи. Однимъ словомъ, достаточно перечислить все это, чтобы понять, что выборъ вида обороны во многихъ случаяхъ не столько зависитъ отъ отношенія силъ, сколько отъ другихъ различныхъ условій.

Съ затронутыми тутъ предметами познакомимся еще поближе въ послѣдствіи; тогда точнѣе опредѣлится степень ихъ вліянія на выборъ вида обороны; наконецъ, все сольется въ одно цѣлое въ книгѣ о планѣ войны и кампаніи.

Однако, первенствующее значеніе при выборѣ вида обороны имѣетъ все-таки соотношеніе противныхъ силъ; оно-то рѣшаетъ выборъ въ большинствѣ случаевъ; прочія указанныя условія оказываютъ вліяніе только при разницѣ силъ не слишкомъ значительной. Военная исторія показываетъ, что большое неравенство силъ всегда предрѣшало выборъ способа обороны и безъ такого же ряда разсужденій, какіе нами выше развиты. Полководцы слѣдовали *темному внушенію простаго такта*, который, впрочемъ, руководитъ большинствомъ творимаго на войнѣ.

Исторія показываетъ, что тотъ же самый полководецъ, командуя все той же арміей, дѣйствующей на томъ же театрѣ войны, разыгралъ одинъ разъ наступательное сраженіе при Гогенфридбергѣ, а другой—заперся въ крѣпкомъ лагерѣ у Бунцельвица. Итакъ, видимъ, что даже Фридрихъ Великій, этотъ самый офенсивный полководецъ, вынужденъ былъ въ концѣ прибѣгнуть къ оборонительной позиціи въ виду значительно превосходныхъ силъ непріятеля. Точно также видимъ, что и Бонапартъ, накидывавшійся прежде на противника, какъ лютой звѣрь, почувствовалъ себя въ 1813 году (въ сентябрѣ), вслѣдствіе слабости силъ, точно въ клѣткѣ; онъ бросается то туда, то сюда, но только не опротивлю, какъ бывало прежде. Въ октябрѣ же того самаго года, когда неравенство силъ достигло апогея, онъ у Лейпцига ищетъ опоры противъ непріятеля въ углу между рѣками: Партой, Эльстерой и Плейсей, точно упершійся спиной въ уголъ комнаты.

Считаемъ не лишнимъ подчеркнуть, что настоящая глава нашего труда, болѣе нежели любая иная, свидѣтельствуетъ о томъ, что мы отнюдь не поставили себѣ задачей созидать новыя правила (Grundsätze) и методы для веденія войны, а, напротивъ того, стараемся давнѣе имѣющееся изучить въ его внутренней существующей связи и низвести къ самымъ простымъ началамъ (Elemente).
